

Neil Fligstein
Doug McAdam
A Theory of Fields

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вадим Радаев. Предисловие научного редактора.</i>	10
Благодарности	31
ГЛАВА 1. СУТЬ НАШЕГО ПОДХОДА	38
Ключевые элементы теории	48
Другие подходы	75
Заключение	90
ГЛАВА 2. МИКРООСНОВАНИЯ	94
Смысл и принадлежность: о происхождении экзистенциальной функции социального	95
Коллективное как экзистенциальное прибежище	104
Социальный навык	115
Роль социальных навыков в действии	124
Заключение	129
ГЛАВА 3. МАКРООСНОВАНИЯ	136
«Укорененность» полей стратегического действия	140
Экскурс в формальную организацию и бюрократию	149
Государство как система полей стратегического действия	155
Воздействие государственных полей на негосу- дарственные поля стратегического действия	162
Зависимость государств и государственных полей от негосударственных полей	169
Внутренние единицы управления	174
Высшее образование и профессии	177
Заключение	180

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ И СТАБИЛЬНОСТЬ В ПОЛЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	184
Современные дебаты	185
Возникновение полей стратегического действия	191
Сохранение условий урегулирования: воспроизводство полей	209
Урегулирование и разрушение: стабильность и кризис в полях стратегического действия	215
Восстановление стабильности поля.	225
Соотношение социальных навыков и состояния поля стратегического действия	233
Заключение	240
 ГЛАВА 5. ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА: ПРОТИБОБОРСТВО ПО РАСОВОМУ ВОПРОСУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ В 1932–1980 ГОДАХ И ПОДЪЕМ И УПАДОК ОТРАСЛИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИПОТЕКИ В 1969–2011 ГОДАХ	243
Борьба за гражданские права, 1932–1980 годы	245
Пролог: противоборство по расовому вопросу в Соединенных Штатах в 1781–1877 годах	246
Поле расовой политики, 1877–1932 годы	249
Дестабилизирующие изменения: Великая депрессия и холодная война	259
Эпизод противоборства и подъем движения за гражданские права	269
Новое урегулирование	275
Ослабление эффекта обстановки холодной войны	276
Реванш диксикратов и окончание электорального режима «Нового курса»	277
Подъем движения «Власть черных» и разрушение поля стратегического действия движения за гражданские права	280
Институционализация движения за гражданские права и ее воздействие на другие поля стратегического действия	283

Подводя итоги: важный постскрипtum	288
Трансформация ипотечного рынка США в 1969–2011 годах	295
Доминирующие поля стратегического действия на ипотечном рынке в 1934–1987 годах	299
Изменения, которые дестабилизировали ипотечный рынок, 1969–1987 годы	305
Урегулирование и новое поле стратегического действия	314
Распространение промышленной модели рынка ИЦБ в 1993–2007 годах	318
Причины кризиса	329
Влияние поля стратегического действия, основанного на промышленной модели, на другие поля стратегического действия	332
Заключение	335
ГЛАВА 6. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ	340
Дорожная карта	341
Как определить, существует ли поле стратегического действия?	345
Возникновение, стабильность и кризис. Часть 1	350
Проблема государства в отношении к полям стратегического действия	356
Возникновение, стабильность и кризис. Часть 2	359
Социальный навык, стратегическое действие и проблема предпринимательства	366
Рассмотрение различных подходов к философии науки и методологических стратегий	376
Позитивистский подход к полям стратегического действия	384
Реалистические подходы к изучению полей стратегического действия	392
Проблема эмпиризма	400
Заключение	403

ГЛАВА 7. НА ПУТИ К ТЕОРИИ ПОЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ	406
Итак, что же здесь нового?	407
Проблема накопления знания в социальных науках .	421
Неожиданное открытие полей	424
На пути к совместной программе теоретических и эмпирических исследований полей	434
Библиография	447

*Посвящается Хезер и Трейси,
а также Кайли, Молли и Тейлор*

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

НАЧНУ это предисловие с короткой личной предис-
тории. С начала нового тысячелетия мы со мно-
гими моими коллегами занимались переводами
фундаментальных работ в области экономической социоло-
гии. И за полтора десятка лет было опубликовано не-
мало ценных трудов — в журнале «Экономическая социоло-
гия», а также отдельными книгами¹. Это позволило не
только ввести в российский профессиональный оборот
длинный ряд ключевых текстов, но и сформировать тема-
тический и терминологический корпус современной эконо-
мической социологии на русском языке. Работа продол-
жалась до 2014 года, когда была выпущена книга «Клас-
сика новой экономической социологии» [Радаев, Юдин,
2014] с переводом наиболее известных статей, давших на-
чало основным направлениям в этом исследовательском
поле. После выхода книги я собрал всех участников пере-
водческого проекта, поблагодарил их и объявил о его за-
крытии. В связи с высокой загруженностью другими де-
лами я больше не мог уделять достаточного времени это-
му важному, но весьма трудоемкому занятию. Пришлось

---

¹ Книги с переводами ключевых работ см.: <https://ecsoclab.hse.ru/translation_books>.

подвести черту. И хотя наш журнал «Экономическая социология» продолжал публиковать переводы отдельных интересных авторов, я сам уже не занимался, как прежде, их отбором и научным редактированием.

Однако спустя семь лет (немалый срок) я нарушил это правило, сам предложил себя Издательскому дому Высшей школы экономики в качестве научного редактора готовящейся к переводу книги и договорился о переводе с Екатериной Головляницыной, несомненно одной из лучших наших переводчиц в социологии. Она любезно согласилась, хотя уже давно работала вне академической сферы. Исключение было сделано ввиду особой значимости этой книги для современной экономико-социологической теории и, полагаю, для социальной теории в целом. Речь идет о представляемой вашему вниманию «Теории полей». В данном предисловии я постараюсь коротко обрисовать ее основные положения. А оценить их значимость вы сумеете сами после прочтения книги.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Главная цель этой книги, как ее определяют сами авторы, — представить целостную теорию, которая объясняет, как действия социальных акторов порождают стабильность и изменения в условиях определенных социальных ограничений. При построении этой теории авторы опираются на множество самых разнообразных источников, среди которых они упоминают теорию организаций, исторический институционализм и экономическую социологию, а также теорию социальных движений. По мнению авторов, сторонникам институционального подхода лучше удавалось выявление факторов стабильности и воспроизводства при недооценке роли власти, а исследователи социальных движений ожидаемо преуспели в объяснении динамики конфликтов и изменений. Авторы же

хотели соединить оба этих начала. Они также признают, что при разработке своей теории опирались на концепцию социального действия Макса Вебера [Вебер, 2005; 2016–2019], символический интеракционализм Джорджа Герберта Мида [Мид, 2009] и инструментализм Карла Маркса (хотя, честно говоря, прямых следов марксизма я обнаружил немного). Добавим, что в прежних работах Нил Флигстин называл свой подход «политико-культурным», вероятно, чтобы подчеркнуть его синтезирующий характер [Флигстин, 2003].

В основу предлагаемой теории положено представление о полях стратегических действий, и прежде всего нужно определить это понятие. Лучше всего это сделают сами авторы: «Мы придерживаемся позиции, что поля стратегических действий являются основными звеньями коллективного действия в обществе. Поле стратегических действий представляет собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле (включая то, кто и почему обладает властью), о правилах, регулирующих легитимные действия в поле» (с. 49).

Здесь прослеживается явное влияние структурной концепции поля, которая была предложена П. Бурдьё еще в конце 1970-х годов [Бурдьё, 2004; 2005; Bourdieu, 2005]. В соответствии с этой концепцией поле образуется в результате взаимного позиционирования акторов, которые различаются по объему и структуре имеющегося у них капитала. Структура распределения специфических форм капитала и задает структуру поля, которая, в свою очередь, определяет условия входа в поле и возможности извлечения в нем прибыли. Структура капитала реализуется во властных отношениях между участниками поля или в

их относительной способности влиять на структуру поля и на других участников. Главное противостояние во властных отношениях поля возникает между его доминирующими игроками и претендентами, где первые (более крупные и влиятельные) демонстрируют относительное постоянство состава, а вторые (менее крупные и влиятельные) чаще подвержены ротации, периодически возникают и исчезают.

Принимая многие положения Бурдьё, авторы книги определяют поле скорее в духе символического интеракционизма — как арену взаимодействия акторов, где главным структурирующим фактором являются их действия относительно друг друга. Именно поэтому оно превращается в «поле стратегических действий», а «стратегическое действие» определяется как «попытка социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры посредством кооперации с другими акторами» (с. 20). Авторами данной книги также предлагается более конструктивистский взгляд, выражающийся в том, что ключевую роль в формировании поля и его границ играют представления участников поля. Именно осмысление и освоение участниками поля правил игры превращает эти правила из абстрактных предписаний в конституирующие элементы распространенных моделей взаимодействия. А возникновение разделяемых представлений (или их насаждение доминирующими игроками) становится важнейшим фактором стабилизации рынков (подробнее см.: [Радаев, 2011]). Таким образом, акторы не только занимают в поле некоторую позицию, но также имеют некоторые обобщенные представления о том, как их позиция соотносится с позициями других в данном поле.

Далее, в отличие от Бурдьё, который ограничивается в основном анализом на уровне индивидуальных акторов, помещенных в пределы полей [Бурдьё, 2004; 2005], авторы фокусируются на коллективном действии акторов

и на том, как их кооперация и конкуренция меняет структуру полей. Кроме того, у Бурдьё поля многое задают в действии акторов, которые вынуждены довольствоваться тем, что имеют. Он редко рассматривал возникновение новых и трансформацию существующих полей, в то время как Флигстин и Макадам концентрируются именно на динамических аспектах. Наконец, Бурдьё хотя и осознавал взаимосвязанность разных полей, но не стремился теоретизировать связи между ними. А в предлагаемом подходе связи с другими полями играют основополагающую роль.

Какие игроки образуют поле? Вслед за Бурдьё Флигстин и Макадам включают в поле доминирующих игроков и претендентов. К доминирующим игрокам относят акторов, обладающих непропорционально большой долей влияния в поле, а к претендентам — тех, кто большей частью подчиняются господствующему порядку, но при появлении возможности пытаются оспорить структуру и логику системы. Причем и те и другие занимаются одними и теми же видами деятельности. Например, если мы говорим о поле какого-то рынка, то они будут представлять производителей одного и того же продукта или услуги в рамках одной индустрии, тем самым выступая по отношению друг к другу в качестве прямых конкурентов. Это означает, помимо прочего, что взаимодействие доминирующих игроков и претендентов не сопряжено с рыночными транзакциями.

Далее, отходя от позиции Бурдьё, авторы книги расширяют состав основных участников поля, добавляя к ним так называемые внутренние управленческие единицы, в число которых входят деловые ассоциации, рейтинговые агентства и прочие регулятивные структуры. Они следят за соблюдением действующих в поле правил и берут на себя функции регулирования и легитимации логики организации данного поля. Эти единицы предоставляют участникам поля рутинные административные сервисы, обеспечивают их информацией, контролируют соблюде-

ние правил, сертифицируют принадлежность к полю. При этом они отличаются от внешних государственных структур. Признавая особую важность последних, авторы тем не менее выводят их за границы поля стратегических действий, показывая, что государство образует самостоятельные поля, влияющие на данное поле. Обычно именно внутренние единицы управления берут на себя большую часть взаимодействий между полем стратегического действия и связанными с ним различными государственными полями, к тому же некоторые внутренние единицы управления больше ориентированы вовне, чем настроены на события внутри поля стратегического действия. В том числе они выступают инструментом лоббирования и публичным лицом данного поля стратегических действий, а зачастую специально создаются под эти цели, как это происходило, например, с деловыми ассоциациями в России в 1990-е и 2000-е годы.

Добавим, что, на наш взгляд, в этой схеме недостает еще одного типа участников. Это множество мелких игроков в данном поле, которые не только далеки от доминирующих позиций, но и не относятся к числу претендентов, не притязая на узнаваемое имя, на проведение изменений и тем более на оспаривание чьих-то позиций. Но именно они по численности образуют основную массу участников данного поля. Мы бы назвали их «выживающими» (survivors). Часто они даже не связаны с деятельностью внутренних единиц управления (не входят ни в какие ассоциации, не рейтингуются). Их единственная забота — оставаться в данном поле, таком, каким оно было устроено другими. Эти мелкие игроки часто выбывают из игры, прекращая свою деятельность, но на их место тут же приходят другие. Без них, как нам кажется, представление о поле остается неполным.

Для описания формирующихся в поле разделяемых пониманий часто использовалось понятие «институцио-

нальной логики» [Скотт, 2007]. Но для Флигстина и Мак-адама важно, что поля — это не пространство консенсуса и единых институциональных логик. Это состязательные арены, на которых его участники постоянно маневрируют, чтобы улучшить свои позиции. При этом они борются не только за ресурсы и материальные привилегии, но за определенные понимания реальной ситуации, исходя из различных интерпретативных рамок. В этом отношении поля стратегических действий всегда находятся в подвижном состоянии, здесь непрерывно оспаривается сложившееся положение дел.

Стабильность же поля, пусть и временная, обычно достигается двумя способами: за счет установления иерархической власти одной доминирующей группы или за счет создания политической коалиции на основе кооперации нескольких групп. И ключевое значение для данного поля, собственно, имеет то, что в настоящий период лежит в основе стратегических действий, — принуждение, конкуренция или кооперация. Хотя здесь речь идет скорее о трех идеальных типах, в реальной жизни поля эти три подхода, как правило, комбинируются, но применяются они в каждый данный момент в очень разной степени.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ, ИЛИ МИКРООСНОВАНИЯ ТЕОРИИ

Для предлагаемой в книге теории полей чрезвычайно важен акцент на мотивированных и квалифицированных социальных акторах, которых иногда, с подачи Пола Димаджио, называют «институциональными предпринимателями» [DiMaggio, 1988]. В то время как многие другие теории ставят на первое место интересы и власть, здесь самую важную часть теории, по мнению авторов, составляет раскрытие того, как укорененные в данном поле социальные акторы меняют это поле и поддерживают в нем

социальный порядок. Авторы критикуют сложившуюся в социальных науках еще с классического периода тенденцию рассматривать индивидов не как архитекторов, а, скорее, как продукты социальной жизни (классовой структуры, морального порядка и проч.). В результате социальные системы начинают жить своей собственной жизнью, а функции людей сводятся к роли автоматов, действующих по готовым сценариям. При этом авторы книги предостерегают себя и нас от опасности переоценить способности квалифицированных стратегических акторов к изменению, и нам, конечно, не следует упускать из виду ограниченность доступных этим акторам возможностей, которые они могут обращать в свою пользу.

Предлагаемая авторами теория коллективного действия разворачивается с помощью двух взаимосвязанных конструкций — концепции экзистенциальной функции социального и концепции социальных навыков, на которые нужно обратить особое внимание.

Выстраивая микрооснования своей теории, авторы прибегают к привычной для нас критике теории рационального выбора, которая предлагает концепцию атомизированного индивида и в этом смысле, естественно, оказывается «несоциологичной». Но далее ими ставится ключевой вопрос не более и не менее как о сущности человеческой социальности. И авторское решение этого вопроса выглядит не совсем обычным образом. Авторы пытаются представить социологическую трактовку эволюции *Homo sapiens*, которая противостоит известным археологическим и антропологическим подходам.

Флигстин и Макадам привлекают наше внимание к культурному взрыву, или революции в социальном поведении, произошедшему около 45–50 тысяч лет назад, то есть много позже появления современного в анатомическом отношении человека, сформировавшегося примерно 200 тысяч лет назад. Этот взрыв выразился во внезап-

ном появлении множества изображений, тщательно изготовленных изделий в захоронениях и специфичных для каждой местности наборов орудий труда. Авторы задаются вопросом о природе этого поразительного скачка и находят на него ответ: все дело не в возникновении символического мышления или опыта культуры, но в появлении необыкновенной способности людей к *согласованному, осмысленному, символическому, совместному* действию.

Проблема в том, что вместе со способностью к мышлению и рефлексии к человеку приходят экзистенциальные сомнения и страхи, которые побуждают его к поиску смыслов. И тут оказывается, что основные источники смыслов и идентичности в нашей жизни лежат за пределами наших собственных возможностей и интересов, их могут нам дать только коллективы. Ключевое противоречие, таким образом, состоит в том, что жизненные смыслы могут быть выработаны не иначе как во взаимодействии с другими людьми, которые при этом могут иметь представления, сильно отличающиеся от наших. Поэтому, пытаясь победить нашу экзистенциальную тревогу и отчаяние, мы часто (вольно или невольно) втягиваемся в конфликты с другими группами, у которых есть свои собственные «проекты смыслов». И даже осознавая это противоречие, мы не в состоянии его избежать.

Авторы утверждают, что именно потребность в выработке собственной идентичности как совокупности смыслов составляет основу стремления людей инициировать и поддерживать коллективное действие вместе с другими людьми. И свою конечную цель авторы видят в том, чтобы выстроить социологическую концепцию, которая учитывала бы экзистенциальные способности людей к созданию смыслов и их потребность в наличии смысла и принадлежности к группе и которая объясняла бы, как, следуя этому стремлению, люди создают и поддерживают социальные миры на мезоуровне.

В свое время экономисты, среди которых прежде всего ссылаются на М. Олсона [Олсон, 1995], указывали, что склонность людей к «бесплатному проезду» за счет других (фрирайдерству) можно преодолеть только путем селективных стимулов для индивидов или принуждения, побуждающих их присоединиться к группе. Иными словами, коллективные проекты реализуются лишь тогда, когда они опираются на узко определенные инструментальные цели или на простой, но действенный человеческий страх перед насилием. Занимая прямо противоположную позицию, авторы книги убеждены, что для человека присоединение к группам и другим коллективам выступает как весьма желанная цель сама по себе. По их мнению, мы никогда не руководствуемся исключительно личным интересом и какими-то заранее заданными целями. Большинство из нас значительную часть времени действуют из желания чем-то подкрепить нашу принадлежность к той или иной группе.

Тем самым авторы книги критикуют марксистские положения о примате материального в социальной жизни, утверждая, что современные люди неустанно стремятся выработать разделяемые представления и что стратегические действия в полях возникают в результате сложного сочетания материальных и экзистенциальных соображений. То, что сущность социальности человека видится в совместной выработке смыслов происходящего, никак не отвергает более узко определенных инструментальных и материальных оснований человеческого существования. Авторы полагают, что материальное и экзистенциальное просто невозможно разделить. Не говоря уже о том, что материальные цели тоже почти всегда устанавливаются и достигаются в группе. Сказанное также не означает, что властные полномочия и эгоистические интересы не имеют никакого значения. Речь о том, что стратегическое действие неразрывно увязывается со свойственной чело-

веку способностью и потребностью вырабатывать общие смыслы и идентичности, служащие реальной основой существования общества.

Итак, стратегическое действие рассматривается как попытка социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры посредством кооперации с другими акторами, которые могут иметь иные представления и интересы. Но создание политических коалиций — сложная задача, требующая особых навыков. И акторам, если они хотят что-либо изменить или, напротив, сохранить status quo, приходится убеждать другие группы, что объединение усилий действительно служит их общим интересам. Поэтому для предлагаемого подхода центральное значение приобретает концепция «социального навыка», под которым понимается сложная комбинация когнитивных, эмоциональных и лингвистических приемов, позволяющих индивидам более или менее эффективно действовать в качестве квалифицированных стратегических акторов. Более операционально социальный навык определяется как способность обеспечивать кооперацию, призывая и помогая создавать разделяемые смыслы и коллективные идентичности.

Применение социальных навыков не является чем-то особенным и тем более уникальным. Это повседневная деятельность акторов по созданию смыслов, в процессе которой квалифицированные акторы стремятся поддерживать солидарность и позитивную социальную идентичность в условиях множества вызовов, чтобы стабилизировать поле или, наоборот, дать толчок важным изменениям.

Концепция социального навыка, первоначально введенная в обращение представителями символического интеракционизма [Мид, 2009], делает акцент на том, что индивиды и коллективные акторы обладают высокоразвитой когнитивной способностью понимать других людей и

инные обстоятельства, задавать рамки способов действия и побуждать других к действию в соответствии с более общими представлениями о мире и о самих себе. По сути, это одна из разновидностей власти, выражающаяся в способности задавать повестку, т.е. определять вопросы, которые подлежат обсуждению другими [Льюкс, 2010].

Одновременно подобный вид навыка позволяет акторам выйти за пределы индивидуальных или узкогрупповых интересов и принять роль другого как отправную точку для выработки более широкого понимания коллективной жизни и новых общих идентичностей. Социальный навык включает способность принять роль другого в ходе совместной деятельности, т.е. проявлять эмпатию и понимать ситуацию других участников, а на этой основе убеждать других действовать сообща. Убеждать других в том, что получаемое ими на деле и есть именно то, чего они хотят, можно разными способами, которые мы вправе назвать манипулированием. Можно «продать» другим группам какие-то ценности более высокого порядка, которые те будут готовы принять, или уверить членов других групп в том, что предлагаемые им стратегии хотя бы отчасти соответствуют их личным интересам.

Таким образом, опираясь на представление об экзистенциальных функциях социального и о социальных навыках, авторы выстраивают микрооснования своей теории, которые учитывают саму суть социальности человека и связанную с ней способность человека к стратегическому действию.

СИСТЕМА ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОЛЕЙ, ИЛИ МАКРООСНОВАНИЯ ТЕОРИИ

Говоря о макрооснованиях своей теории, Флигстин и Макадам всячески подчеркивают ключевую роль внешней среды. С этой точки зрения каждое отдельное поле рассма-

тривается как нечто укорененное в более широкой среде из множества других полей. Эти другие поля могут быть отдаленными или смежными, зависимыми или взаимозависимыми, государственными или негосударственными. Отношения между полями стратегического действия могут быть также трех разных типов: несвязанные, иерархические (зависимые) и реципрокные (взаимозависимые). Связи между полями стратегического действия поддерживаются повседневными взаимодействиями акторов этих полей. Поэтому степень близости или отдаленности полей определяется количеством непосредственных и опосредованных отношений между их участниками. Таким образом, авторы пытаются сформировать более системное представление макроуровня о взаимоотношениях между полями и более широкой средой поля, существенно влияющей на траекторию его развития. А вся социальная жизнь в их представлении начинает протекать в сложном сплетении множественных полей стратегических действий.

Сами поля тоже очень разные, они могут состоять из индивидов, групп, подразделений, формальных и неформальных организаций, отраслей, национальных государств и международных организаций. Но базовая структура любого поля стратегического действия не отличается от структуры любого другого поля. Система же полей организована сложным образом, по принципу русской матрешки. Организации выступают как участники полей стратегического действия, но одновременно сами представляют собой поля и вдобавок содержат внутри себя иерархию полей. Таким образом, каждый бюрократический уровень внутри организации предлагается рассматривать как отдельное поле стратегического действия, что, конечно, делает общую картину несколько сложной для представления и восприятия. Например, фирмы предстают перед нами как вложенные одно в другое поля стра-

тегического действия, между которыми существуют отношения иерархической зависимости. Каждое подразделение фирмы, неважно, производственное, обслуживающие или управленческое, в свою очередь, является полем стратегического действия. По сути, полем оказывается любая арена, занятая двумя и более группами, которые в своих действиях ориентированы друг на друга, — таково, по всей видимости, критериальное отличие поля стратегических действий от прочих образований.

По мнению авторов книги, с которым в данном случае трудно не согласиться, фактически невозможно охарактеризовать почти любое поле стратегического действия, не учитывая его связь с одним, а чаще с несколькими государственными полями. Государство в этом смысле оказывается эффективной формой коллективного действия, предназначенной для создания и управления разными полями. При этом государство ни в коем случае не является единым монолитным актором и, в свою очередь, представляет собой систему полей стратегического действия. Государственные поля обеспечивают желанную стабильность, позволяющую акторам в негосударственных полях не только нормально существовать, но и создавать новые поля стратегического действия. Наконец, авторы обращают наше внимание на постепенное разрастание государственных полей. Это разрастание мы, конечно, в России видим и сами. Но важно понимать, что российский опыт в данном случае не является чем-то исключительным.

Одним из главных вопросов всех социальных наук является вопрос о природе социальных изменений. И авторы уделяют немалое внимание тому, как изучаемые ими поля проходят через основные этапы своей эволюции — возникновение, воспроизводство, разрушение/кризис и повторное урегулирование. В этом отношении главный тезис авторов заключается в том, что возникновение и развитие поля подобно состоянию социального движения.